

религии, *деша-дхарме*. Основная масса адептов именно паломничество считает самым доступным способом обретения религиозных заслуг, а также телесного и духовного приближения к Богу. Несомненна связь поэзии бхакти с реальными формами религиозной практики, привязанными к конкретным локусам — священным центрам и маршрутам паломничеств в дравидоязычном ареале: в гимнах бхактов приводятся множество их названий. В свою очередь тема паломничества подводит к особенностям понимания пространства мифопоэтическим сознанием (установка на самораскрытие пространства, сотрудничество с ним и т.п.) и шире — к особенностям хронотопа в индуизме.

Таковы некоторые возможные перспективы изучения поэзии бхакти с позиций этнорелигиоведения.

Библиография

- Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
Найдыш В.М. Философия мифологии. М., 2004.
Пятигорский А.М. Материалы по истории индийской философии. М., 1962.
Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. СПб., 1997.
Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
Manikkavasagar Suvamigal. Tiruvagasam mulamum iraium. Chennai, 1955.
Pantarattar V.T. Tamililakkiya varalaru. Annamalai, 1955.
Purnalingam Pillai. A Primer of Tamil Literature. Madras, 1904/
Zvelebil K.V. The Beginning of Bhakti in South India // Temenos. 1977. Vol. 13.

Ю.Е. Березкин

ЕВРАЗИЙСКИЕ АРЕАЛЫ КОСМОНИМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПЛЕЯДЫ

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 07-06-00441а), ИНТАС (грант 05-10000008-7922) и программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

В культурах Евразии за пределами тропической зоны основное внимание уделялось шести объектам ночного неба. Это луна с пятнами на ее диске, Венера в ипостасях Утренней и Вечерней звезды, Млечный Путь, Большая Медведица, Плеяды, Пояс Ориона. С оговорками сюда можно добавить Полярную звезду. Другие планеты, звезды и созвездия выделялись в одних культурах и игнорировались в других. Хотя известных космонимов множество, большая их часть либо зафиксирована локально и единично, либо является вариантами нескольких преобладающих образов. Широта

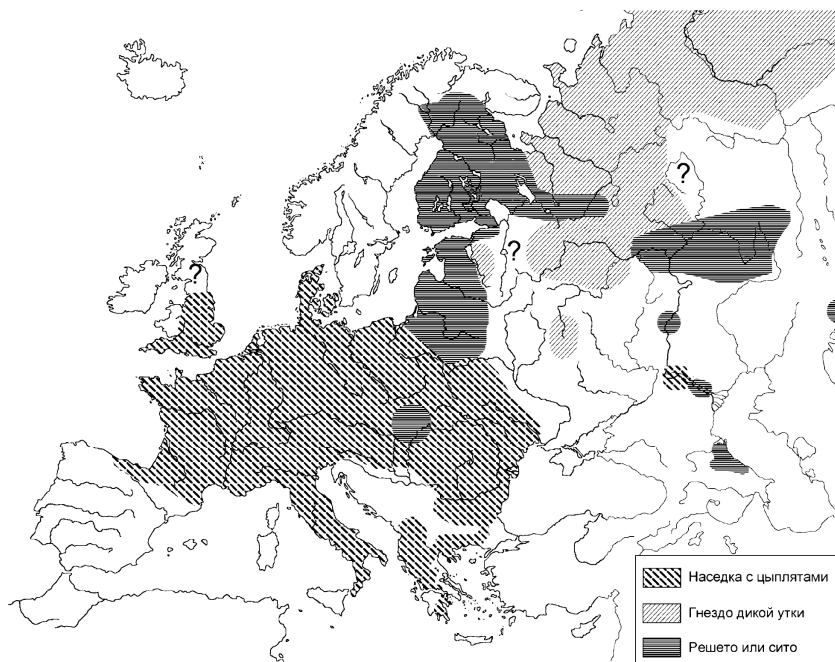
распространения и, следовательно, устойчивость во времени космонимической лексики и связанных с небесными объектами мифопоэтических представлений делают их источником данных об этнокультурных процессах в прошлом.

То, что прошлое это может быть отдаленным, видно при взгляде на карту Восточной Европы. Границы распространения ряда космонимов плохо соответствуют здесь границам распространения языковых семей. В частности, космонимия балтов и прибалтийских финнов идентична, несмотря на принадлежность этих групп языков двум неродственным семьям. Млечный Путь в восточной Прибалтике повсюду — «дорога птиц», Плеяды — «сито», на луне видна «девушка с ведрами». Напротив, к югу и западу от балтского ареала, за исключением тех районов Польши и Белоруссии, где балтские языки относительно недавно были замещены славянскими [Вайшкунас 2004: 169-170; Gładyszowa 1960; Niebrzegowska 1999: 149], космонимия восточно-балтийского типа отсутствует. Есть лишь три исключения из этого правила: Млечный Путь как «дорога птиц» характерен для лужицких сербов [Азимов, Толстой 1995: 118]; интерпретация Плеяд как «сита» и Млечного Пути как «дороги птиц» зафиксирована у венгров [Mándoki 1963: 519-520; Zsigmond 2003: 434]; «девушка с ведрами на луне» типична для северной и северо-восточной (но не юго-западной) Болгарии при единичной фиксации того же образа в Румынии [Маринов 2003: 28; Младенова 2006: 137, 263-264, карта 29]. Несмотря на указанные аномалии, наличие основной космонимической границы именно между балтами и славянами при отсутствии таковой между балтами и прибалтийскими финнами не вызывает сомнений.

В этой статье мы рассмотрим народные названия Плеяд (карта). Не считая представления о Плеядах как о группе людей (эти образы отмечены во многих районах Европы, но конкретные версии мало друг на друга похожи), для региона характерны три основных варианта осмысления этого звездного скопления.

Космоним «курица с цыплятами» («наседка» и т.п.) типичен для Западной, Южной и Центральной Европы, Балкан, запада Украины [Бонева 1994: 12; Знойко 1989: 49; Янкович 1951: 141; Младенова 2006: 89-93; Святский 1961: 120; Andree 1878: 106; Krappe 1938: 152; László 1975: 604; Matičetov 1972: 49; Niebrzegowska 1999: 145; Smith 1925: 124; Volpati 1932: 161-162; 1933: 507]. В пределах этой зоны он отсутствует лишь на большей части бывшей Югославии, а также у жителей Пиренейского полуострова (кроме басков). Вне Европы «курица с цыплятами» характерна для Западной Африки и Судана [Hirschberg 1930: 326-327; Meek 1931: 200; Schwab 1947: 413; Spieth 1906: 557; Volpati 1933: 507], а также для северо-востока Индии и Юго-Восточной Азии [Andree 1878; Smith 1925: 114; Vathanaprida 1994: 39-41]. Данных по Магрибу у меня нет, туареги именуют Плеяды «цыплятами» [Rodd 1926: 226]. Поскольку речь идет именно о домашней курице, распространение соответствующего космонима при всей

обширности его ареала трудно относить к очень глубокой древности. В любом случае необходимы более полные сведения по африканским и азиатским культурам.

Карта. Распространение трех основных вариантов интерпретации Плеяд в европейских культурах

Космонимы со значением «гнездо (яйца) дикой утки», «стая уток» характерны для ненцев [Хомич 1974: 232], коми-зырян [Святский 1961: 120], удмуртов [Напольских, личн. сообщ. 2007 со ссылкой на Wichmann 1987], а также для энцев [Рут 1987: 47] и обских угров [Munkácsi 1908: 255; Напольских, личн. сообщ. 2007 со ссылкой на Munkácsi, Kálmán 1996 и Steinitz 1966-1993]. Корреляция этого космонима с уральскими языками весьма высока, исключения единичны. У селькупов Плеяды — «заячи полки», у нганасан — охотники, ловящие души умерших людей и убитых оленей [Попов 1984: 48]. У хакасов (тюрков по языку) Плеяды тоже «утиное гнездо» или «стая уток» [Бутанаев 1975: 238], но в этом случае как раз допустимо самодийское влияние. Господство космонима «утичье гнездо» у северных русских [Потанин 1883: 730; Рут 1976: 15] — явное наследство финно-угорского субстрата. Переселяясь за Урал, русские принесли «утичье гнездо» в Восточную Сибирь. В литературе встречаются указания на наличие подобного образа у якутов и камчадалов [Младенова 2006: 196], но

это недоразумение: У. Харва [Harva 1933: 135, прим. 78] в свое время принял использованный С.П. Крашенинниковым и И.А. Худяковым космоним «утичы гнездо» за перевод названия Пляед с местных языков.

Обозначение Пляед в качестве «решета» или «сита» характерно, как было сказано, для восточной Прибалтики (древние пруссы, литовцы, латыши, ливы, эстонцы, финны [Вайшкунас 2004: 169; Кербелите 2001: 65; Непокупный 2004; Allen 1899: 397; Andree 1878: 107; Kureġjanov 2003: 183-185; Mándoki 1963: 519; Vaiškūnas 1999: 167]) и для народов Среднего Поволжья: чуваш [Золотницкий 1874: 22; Сироткин, Иванов 1970: 128; Юхма 1980: 266; Mándoki 1963: 520], марийцев [Акзорин 1991, № 37: 83], татар [Воробьев, Хисамутдинов 1967: 316; Потанин 1883: 729], башкир [Максутова 1973: 383], удмуртов (видимо, только южных) [Никонов 1973: 376]. В поволжском ареале исключение составляет мордва, у которых Пляеды — «пчелиный улей» [Святский 1961: 121] — интерпретация, в подобном или в сходных вариантах («пасека», «осиное гнездо») известная также русским, украинцам, болгарам, венграм [Младенова 2006: 115]. У русских космоним «сито» в отношении Пляед зафиксирован в Вологодской губернии и у переселенцев на западных иноэтнических землях [Рут 1987: 15; Святский 1961: 121].

Помимо Прибалтики и Средней Волги, «сито» характерно для Дагестана, в частности отмечено у кумыков, лаков, аварцев, андийцев, даргинцев, тавлинцев [Гамзатов, Далгат 1991: 304-305; Потанин 1883: 729-730]. Систематических данных по территориям между Западной Сибирью и Индией нет. Г.Н. Потанин отметил «сито» как обозначение Пляед у казахов Среднего Жуза и у астраханских татар [Потанин 1881: 126; 1919: 84]. Предложенная персидская параллель [Непокупный 2004: 80] ошибочна: слова «парвин» («Пляеды» — от «первый») и «парвизан» («сито») не являются однокоренными [Стеблин-Каменский 2008]. Обозначение Пляед как «маленького сита» отмечено у коряков и чукчей [Богораз 1939: 29], хотя эти данные скупы и по крайней мере у чукчей основной образ Пляед — это группа женщин [Там же: 24].

Возможный сценарий диффузии космонима «сито» предложил В.В. Напольских (лич. сообщ., 2007). Этот (прото)балтский образ заимствовали носители прибалтийско-финских и финно-пермских языков. Затем в Поволжье он перешел к тюркам. В Дагестан и Казахстан «сито» попало из Поволжья в эпоху Золотой Орды. Время интенсивного этнокультурного взаимодействия между (прото)балтами и финно-уграми в Восточной Европе — вторая половина II тыс. до н.э. [Напольских 1997: 158-161].

Чтобы подтвердить предположение о диффузии образа сита на юг и юго-восток в эпоху Золотой Орды, желательна дополнительная информация по Кавказу, Казахстану и Средней Азии. Как у лаков, так и у литовцев речь идет о сите, через которое бог просеял на землю злаки [Непокупный 2004: 77; Халидова 1984: 160]. К сожалению, о литовской мифологеме известно

лишь из поэмы Мицкевича, что маловато для ответственных заключений. Зато значительное совпадение основной зоны встречаемости космонима «сито» в Восточной Европе с областью распространения группы родственных культур бронзового века, потомками создателей которых, вероятно, являются балты, вполне позволяет принять гипотезу (прото)балтского происхождения «сита» в регионе восточной Прибалтики — Средней Волги в качестве основной.

Проблема происхождения «сита» как обозначения Плеяд этим, однако, не исчерпывается. Во-первых, не ясен статус венгерских материалов. Хотя само венгерское слово для сита (*szita*) заимствовано у славян [Mándoki 1963: 519-520], соответствующий небесный объект рассматривается именно как нечто имеющее отверстия [Zsigmond 2003: 434]. То, что лишь венгры единственными в балканском регионе сохранили подобное представление, ставит под сомнение возможность заимствования образа Плеяд от славянского населения Паннонии. Если же венгры принесли его с востока, то откуда?

Существенны сибирские параллели восточно-европейскому «ситу», причем не только упомянутые палеоазиатские. Этимология названия Плеяд в тюркских языках (Улкер, Юркер, Юркар и т.п.) дискуссионна, однако согласно одной из гипотез, это «отдушина», «продырявливать» [Никонов 1980: 296]. Для якутов такое значение подтверждено фольклорным текстом: герой делает рукавицы из волчьих шкур, чтобы заткнуть дыры в небе, из которых дует холодом; эти дыры — Плеяды [Holmberg 1927: 418]. У орочей и уильта (ороков) Плеяды также «семь дыр» [Подмаскин 2006: 432] (при обычном нижемурско-приморском «семь женщин»). Хотя «сито» как предмет, специфичный для определенных культур, не есть, разумеется, синоним «отверстия», на фоне отсутствия любых подобных образов в космонимии обитателей большинства других областей мира сходство все же очевидно. Представление о Плеядах как о небесном отверстии (звезды Плеяд его обрамляют) за пределами северной Евразии удалось обнаружить еще лишь у оджибва [Speck 1915: 48]. С учетом других азиатско-североамериканских космонимических параллелей [Березкин 2005; Berezhkin 2006] историческая связь данного образа с сибирскими представлениями не исключена.

Образ Плеяд как чего-то дырявого первоначально мог быть частным случаем более общего представления о звездах как об отверстиях в некотором покрове. Сама идея проста, и ее многократное возникновение не исключено. Так, образ звезд как небесных отверстий известен в Либерии и северной Гане [Cardinall 1920: 24; Schwab 1947: 413], а также в западной Индонезии (ментавай, клемантан, каян [Hose, MacDougall 1912: 142, 214; Schefold 1988: 71]) и южном Китае (мяо [Итс 1960: 107]). Тем не менее только в Северной Евразии и американской Арктике представление о звездах-отверстиях является общерегиональным. Оно единично зафиксировано у эстонцев [Kuregjanov 2003: 125], марийцев [Акцорин 1991,

№ 26: 59-60), коми [Аристэ 2005, № 136: 163] и может считаться обычным у ненцев [Хелимский 1982: 399], нганасан [Попов 1984: 45], хантов [Лукина 1990, № 8: 67-69], кетов [Алексеенко 1976: 79; Дульзон 1966: 15-17; 1972: 83-86], якутов [Гурвич 1977: 199; Эргис 1974; Эргис 1967: 134], эвенков [Воскобойников 1960: 296; Василевич 1959: 161-162], эвенов [Бурькин 2001: 114], негидальцев [Певнов 2008]. Косвенная или менее определенная информация такого рода есть по чукчам и ительменам [Эргис 1974: 134; Jochelson 1961: 71-74].

В Северной Америке представление о звездах как об отверстиях характерно для американской Арктики (центральные юпик, включая о. Нунивак, инупиак, эскимосы устья Маккензи, карибу, нетсилик, иглулик [Lantis 1946: 197; MacDonald 1998: 33; Nelson 1899: 495; Ostermann 1942: 56, 58; 1952: 128; Rasmussen 1930: 79]), что существенно в свете гипотезы об отличном от остальных аборигенов Нового Света и относительно недавнем сибирском происхождении эскимосов. У индейцев встречаются представления об одной конкретной (обычно Полярной) звезде как отверстию в верхний мир, но образ звезд вообще как дыр в небосводе отмечен лишь изредка в удаленных друг от друга районах Северной и Южной Америки (сэлиши томпсон, тотонаки, тукуна, тупари [Boas 1895, № 4: 17-18; Caspar 1975: 188; Ichon 1969: 36; Nimuendaju 1952: 123-124]). Подавляющее большинство народов Америки, равно как и Африки, Австралии, Океании и индо-тихоокеанской окраины Азии интерпретировало звезды, взятые в качестве класса объектов, только одним образом — это люди, духи, во всяком случае некие существа.

Восточно-европейские культуры боевых топоров и шнуровой керамики были связаны с центрально-европейским миром III тыс. до н.э. Однако в Центральной Европе представления о Плеядах как о сите не зафиксированы. Можно поэтому полагать, что протобалтами этот образ не был принесен с индоевропейской прародины, а был либо унаследован от неолитического населения Восточной Европы, либо создан на месте путем конкретизации северо-евразийского представления о Плеядах (и шире — звездах вообще) как о небесных дырах.

Библиография

Азимов Э.Г., Толстой Н.И. *Астрономия народная // Славянские древности*. М., 1995. Т. 1. С. 117-119.

Акцорин В.А. *Марийский фольклор*. Йошкар-Ола, 1991.

Алексеенко Е.А. *Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера*. Л., 1976. С. 67-105.

Аристэ П. *Коми фольклор*. Тарту, 2005.

Березкин Ю.Е. *Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии*. 2005. № 2. С. 141-150.

Богораз В.Г. *Чукчи*. Т. 2. Религия. Л., 1939.

Бонева Т. *Народен светоглед // Родопи. Традиционна духовна и социално-нормативна култура*. София, 1994. С. 7-50.

- Бурькин А.А. Малые жанры эвенского фольклора. СПб., 2001.
- Бутанаев В.Я. Представление о небесных светилах в фольклоре хакасов // Уч. зап. Хакасского НИИ яз., лит. и ист. Сер. филологическая. 1975. Вып. 20, № 3. С. 231-240.
- Вайшкунас Й. Народная астрономия белорусско-литовского пограничья // Балто-славянские исследования. М., 2004. Вып. 16. С. 168-179.
- Василевич Г.М. Ранние представления о мире у эвенков. СПб, 1959. С. 157-192.
- Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
- Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор. Л., 1960.
- Гамзатов, Г.Г., Далгат У.Б. Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991.
- Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977.
- Дульзон А.П. Кетские сказки. Томск, 1966.
- Дульзон А.П. Сказки народов сибирского севера. Томск, 1972.
- Золотницкий Н.И. Отрывки из чувашско-русского словаря. № 14. Чувашские названия Бога, неба и светил небесных. Казань, 1874.
- Знойко О.П. Міфи Київської землі та події стародавні. Київ, 1989.
- Итс Р.Ф. Мяо. Историко-этнографический очерк. М.; Л., 1960.
- Јанковић Н.ћ. Астрономија у преданима, обичајима и умотворинама срба. Београд, 1951.
- Кербелите Б. Типы народных сказаний. СПб., 2001.
- Лукина Н.В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Максютова Н.Х. Башкирская космономия // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. С. 382-384.
- Маринов Д. Народна вяра. София, 2003.
- Младенова Д. Звездното небе над нас. София, 2006.
- Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.
- Непокупный А.П. От прус. *ВАУТАН* Е.346 'СИТО' К *РАУСОРАН* Е.6 'ПЛЕЯДЫ' КАК СООТВЕТСТВИЮ лит. *SIEEŪNAS* 'то же' // Балто-славянские исследования. М., 2004. Вып. 16. С. 65-82.
- Никонов В.А. Космономия Поволжья // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. С. 373-381.
- Никонов В.А. Материалы по космономике Средней Азии // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. С. 290-306.
- Певнов А.М.. Полевые материалы 1980-х годов (личн. сообщ., 2008 г.).
- Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов. Владивосток, 2006.
- Попов А.А. Нганасаны. Л., 1984.
- Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 2.
- Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4.
- Потанин Г.Н. Монгольские сказки и предания // Записки Семипалатинского подотдела Западно-сибирского отдела Русс. геогр. общ-ва. 1919. Вып. 13. С. 1-97.
- Рут М.Э. Русская народная астрономия. Свердловск, 1987.

- Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси // Историко-астрономические исследования. 1961. Вып. 7. С. 75-128.
- Сироткин М.Я., Иванов М.И. Чуваши. Чебоксары, 1970. Ч. 2.
- Халидова М.Р. Фольклорные тексты. Примечания к фольклорным текстам // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 160-187.
- Хелимский Е. А. Самодийская мифология // Мифы народов мира. М., 1982. С. 398-401.
- Хомич Л.В. Материал по народным знаниям ненцев // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 231-248.
- Эргис Г.У. Якутские сказки. Якутск, 1967. Т. 2.
- Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.
- Юхма М.Н. Заметки о чувашской космогонии // Ономастика Востока. М., 1980. С. 264-269.
- Allen R.H. Star-Names and Their Meanings. N.Y. etc., 1899.
- Andree R. Ethnographische Parallelen und Vergleiche. Stuttgart, 1878.
- Berezkin J. The cosmic hunt: variants of a Siberian — North-American myth // Folklore (Tartu). 2006. Vol. 31. P. 79-100.
- Boas F. Indianische Sagen. Berlin, 1895.
- Caspar F. Die Tuparí. Berlin, N.Y., 1975.
- Gładyszowa M. Wiedza ludowa o gwiazdach. Wrocław, 1960.
- Harva U. Altain suvun uskonto. Porvo, Helsinki, 1933.
- Hirschberg W. Die Plejaden in Africa und ihre Beziehung zum Bodenbau // Zeitschrift für Ethnologie. 1929. Bd. 61. S. 321-337.
- Holmberg (Harva) U. The Mythology of All Races. Vol. 4. Finno-Ugric, Siberian. Boston, 1927.
- Hose C., McDougall W. The Pagan Tribes of Borneo. L., 1912. Vol. 2.
- Ichon A. La Religion des Tonaques de la Sierra. P., 1969.
- Jochelson W. Kamchadal Texts. 'S-Gravenhage, 1961.
- Krappe A.H. La Genèse des Mythes. P., 1938.
- Kuperjanov A. Eesti taevast. Tartu, 2003.
- Lantis M. The Social Culture of the Nunivak Eskimo. Philadelphia, 1946.
- László G. Orosz-magyar kéziszlóár. Русско-венгерский словарь. Budapest, 1975.
- MacDonald J. The Arctic Sky. Toronto, 1998.
- Mándoki L. Asiatische Sternnamen // Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963. S. 519-532.
- Matičeto M. Zvezdna imena in izročila o zvezdah med slovenci // Traditiones. Zbornik Instituta za Slovensko Narodopisje. 1973. Vol. 2. S. 43-90.
- Meek C.K. A Sudanese Kingdom. L., 1931.
- Munkácsi B. Die Weltgottheiten der Wogulischen Mythologie // Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. 1908. Vol. 9. No. 3. P. 206-277.
- Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1996.
- Nelson E.W. The Eskimo about Bering Strait. Washington, 1899.
- Niebrzegowska S. Gwiazdy w ludowym językowym obrazie świata // Językowy obraz świata. Lublin, 1999. S. 137-154.
- Nimuendaju C. The Tukuna. Berkeley, 1952.
- Ostermann H. The Mackenzie Eskimos. Copenhagen, 1952.

- Rasmussen K. Observations on the Intellectual Culture of the Caribou Eskimos. Copenhagen, 1930.
- Rodd F.R. People of the Veil. L., 1926.
- Schefold R. Lia. Das große Ritual auf den Mentawai-Inseln. Berlin, 1988.
- Schwab G. Tribes of Liberian Hinterland. Cambridge, 1947.
- Smith W.C. The Ao Naga Tribe of Assam. L., 1925.
- Speck F.G. Myths and Folklore of the Timiskaming Algonquin and Timagami Ojibwa. Ottawa, 1915.
- Spieth J. Die Ewe-Stämme. Berlin, 1906.
- Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966-1993.
- Vaiškūnas J. Etnoastronomia litewska // Etnolingvistika. 1999. Vol. 11. S. 165-175.
- Vathanaprida S. Thai Tales. Englewood, Colorado, 1994.
- Volpati C. Nomi romanzi degli astri Sirio, Orione, le Pleiadi e le Jadi // Zeitschrift für romanische Philologie. 1932. Bd. 52. S. 151-211.
- Volpati C. Nomi romanzi delle Orse, Boote, Cigno e altre costellazioni // Zeitschrift für romanische Philologie. 1933. Bd. 53. S. 449-507.
- Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki, 1987.
- Zsigmond C. Popular cosmology and beliefs about celestial bodies in the culture of the Hungarians from Romania // Acta Ethnographica Hungarica. 2003. Vol. 48. N 3-4. P. 421-439.

М.И. Василенко

БЕДУИНСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ГОСТЕПРИИМСТВО: КОФЕЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках работы над проектом «Племенная поэзия Аравии XX — начала XXI в. (Полевые материалы: поэтика и социально-культурные функции)», № 07-04-00383а.

В культуре аравийских кочевников процесс приготовления, подачи и употребления кофе — не просто элемент сферы жизнеобеспечения. Кофе значим также в соционормативной и гуманитарной сферах, поскольку тесно связан с обычаем гостеприимства. Понять это позволяют бедуинские стихи, воспевающие гостеприимство и кофе. Нередко исполнение поэтических произведений включается в кофейную церемонию.

Аравийские кочевники уже в древности ценили кофе и считали, что у благородного, богатого и гостеприимного хозяина он должен быть хорошего качества. Когда в бедуинской поэзии человек прославляется за щедрость, похвала может содержать упоминания качественного или хорошо приправленного кофе. К примеру, согласно современному толкователю,